

Шлиссельбургская крепость в XX веке

Г. П. Игнатьева

Шлиссельбургская крепость.
Вид со стороны Ладожского озера. 1918 г.

XX век в истории Шлиссельбургской крепости отмечен важнейшими событиями: в 1917 году закончилась двухсотлетняя тюремная история крепости, все заключенные Шлиссельбургской каторжной тюрьмы были освобождены; в 1928 году крепость стала музеем, который в 2008 году отметил 80-летний юбилей; 45 лет (1965–2010) Орешек является филиалом Музея истории Санкт-Петербурга; в 1985 году, к 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне, в крепости создан мемориальный комплекс, посвященный 500-дневной обороне Орешка (1941–1943).

История Шлиссельбургской крепости XX века началась с освобождения народовольцев. В октябрьские дни 1905 года правительство объявило амнистию для политических заключенных. 28 октября 1905 года из Шлиссельбургской крепости были освобождены 8 человек, трое из них – Н. А. Морозов, М. Р. Попов, М. Ф. Фроленко – проведя в тюрьме по 21 году, П. Л. Антонов, С. А. Иванов, Г. А. Лопатин, И. Д. Лукашевич, М. В. Новорусский – по 18 лет, а все вместе – 153 года неволи. 8 декабря 1905 года указом Николая II государственная тюрьма в Шлиссельбургской крепости была упразднена. Оставшиеся в заключении: П. В. Карпович, Г. А. Гершуни, Е. С. Сазонов,

С. В. Сикорский, М. М. Мельников – 30 января 1906 года были переведены на Нерчинскую каторгу. Зимой 1906 года был открыт свободный доступ на остров для осмотра крепости, ее стен, башен, Старой и Новой тюрем. Путешествия на остров принимали характер демонстраций, тысячи посетителей стремились увидеть «Остров страданий», можно сказать, что

первые экскурсии были проведены в крепости более 100 лет тому назад. Но уже летом 1906 года доступ на остров был запрещен. С первых месяцев 1907 года началось создание каторжной тюрьмы в Шлиссельбургской крепости. Старая солдатская казарма, построенная еще в 1728 году, была перестроена, над нею был возведен третий этаж, где разместилась тюремная больница.

Шлиссельбургская крепость.
Группа посетителей у Старой тюрьмы. 1906 г.

Шлиссельбургская крепость после освобождения заключённых.
Март 1917 г.

ца, а в первом и во втором этажах было оборудовано восемь общих тюремных камер. Так возник первый тюремный корпус, который заключенные называли «зверинцем». Это название объяснялось особым устройством общих камер, которые были отделены от коридора не обычной стеной, а железной решеткой от пола до потолка. Каждая камера была рассчитана на 15 заключенных. Внутреннее устройство всех камер было одинаковое: 15 откидных коек, две доски, прикрепленные к решетке, заменявшие стол. В углу камеры стоял открытый шкафчик для хранения хлеба. Восемь камер занимали среднюю часть «зверинца», в той части здания, которая примыкала к Светличной башне, находились мастерские: кузнечная, слесарная и ткацкая; – в противоположном конце здания, у Государевой башни был изолятор для психических больных и церковь. В 1907–1908 годах была перестроена Старая тюрьма. Старые стены были разобраны, и на прежнем фундаменте было построено новое двухэтажное здание с 12 общими камерами, по шесть в каждом этаже. В каждой камере было по два окна. Окна камер выходили на большой двор цитадели, а окна коридора – на малый двор. Перестроенный из Старой тюрьмы второй тюремный корпус заключенные называли «Сахалином». Название это было очень удачным, так как метко отражало основное

назначение этого корпуса. В него переводили из остальных корпусов в виде наказания тех, кого хотели подвергнуть наиболее тяжелому режиму. Новая (народовольческая) тюрьма, оставшаяся без переделок и изменений, стала называться третьим тюремным корпусом. В 1911 году закончилось строительство самого большого тюремного здания крепости, получившего название четвертого корпуса. В той тюрьме была 21 общая камера и 27 одиночек. В каждой общей камере находилось по 22 человека, в одиночках часто было по 2 заключенных. В первом (полуподвальном) этаже были расположены столярные мастерские, вещевой цейхгауз, две кочегарки парового отопления и десять карцеров – семь светлых и три абсолютно темных. Во втором этаже размещалась администрация тюрьмы: контора, кабинеты начальника и его помощника, канцелярия, бухгалтерия, комната ожидания для родственников, комната свиданий, перегороденная двумя решетками: около одной стоял посетитель, между решетками – надзиратель, а заключенного проводили ко второй, внутренней, решетке. В той же комнате за второй внутренней решеткой стояли полки с книгами тюремной библиотеки и столик. Тюремная библиотека к 1917 году насчитывала около 10000 названий русских и иностранных книг. На том же этаже были общие и одиночные камеры.

В третьем этаже были общие и одиночные камеры и мастерские: сапожная, портняжная, ткацкая. В четвертом этаже – общие и одиночные камеры и ткацкие мастерские. В общих камерах было 22 откидных койки, два стола со скамьями, клозет и умывальник. Во всех четырех тюремных корпусах одновременно могло находиться около 1000 человек. Узниками Шлиссельбургской каторжной тюрьмы 1907–1917 гг. были матросы – участники восстаний в Севастополе и Кронштадте, солдаты-саперы восставших батальонов в Киеве и в Туркестане и солдаты-артиллеристы Выборгской крепости, рабочие Петербурга, Одессы, Риги и других городов, крестьяне Закавказья и Прибалтики, представители многих революционных партий: социалисты-революционеры, социал-демократы, анархисты, максималисты и другие.

«Новый Шлиссельбург», история которого охватывает период с 1907 по 1917 годы, существенно отличался от «старого Шлиссельбурга»: политические заключенные составляли лишь третью часть от общего числа узников, остальные были уголовниками, осужденными за тяжкие преступления и убийства. В одной камере часто находились люди с университетским образованием, идейные борцы за социальное равенство в демократическом государстве и уголовные преступники, на совести которых было несколько убийств. Расчет строился на том, что уголовная стихия морально раздавит политических заключенных, и это будет уже не прежний, «старый Шлиссельбург», не романтический замок с томящимися в нем героями-борцами за свободу, а обычная уголовная тюрьма. Но в «новом Шлиссельбурге» это не случилось, тон задавали политкаторжане, которые интеллектуально и духовно были неизмеримо выше, хотя и находились в меньшинстве.

Ценным источником для изучения того периода истории Шлиссельбургской крепости являются дневники и письма заключенных 1907–1917 годов, которые хранятся в Российском государственном историческом архиве¹. В дневниках политкаторжан содержатся сведения о тюрьме, о товарищах по заключению, о революционной деятельности, о тюремных

занятиях, о прочитанных книгах, о работах в мастерских и на огороде, о продуктах, которые разрешалось выписывать на свои деньги. Малограмотные и неграмотные узники заполняли тетради упражнениями по русскому языку – переписывали целые страницы из книг русских писателей – с целью его освоения. Почти во всех тетрадях есть стихи Апухтина, Брюсова, Лермонтова, Надсона, Некрасова, Никитина, Плещеева, Пушкина, А. Толстого, Фета, Шевченко и других поэтов, а также стихи узников Шлиссельбургской крепости 1884–1905 годов – народолюбцев Н. А. Морозова, В. Н. Фигнер. Некоторые заключенные сами пытались сочинять стихи. Ю. Светогор посвятил большое стихотворение Н. А. Морозову. Многие заключенные выучили в тюрьме по два, три, даже четыре иностранных языка. Широко распространен был среди узников интерес к международному языку эсперанто. Для заключенных Шлиссельбурга лозунг «Все люди – братья!» был не пустым звуком. Они считали, что для общения разных людей на земле необходим один язык. Многие готовили себя к будущей жизни на свободе, изучали ремесла, прикладные науки, стремились приобрести специальность. На страницах дневников часто встречаются названия книг по садоводству и огородничеству, рисунки цветников. О работе каторжан на огородах рассказывал в своих воспоминаниях участник Севастопольского восстания 1905 года И. П. Вороницын: «Весной и летом в камере и душной мастерской не сиделось. На огороде могли работать все желающие, но их было так много, что приходилось работать 2–3 раза в неделю². Арестантские огороды, теплицы и парники с каждым годом расширялись. За цветами в крепость приезжали члены группы помощи политическим заключенным Шлиссельбурга, в том числе А. Я. Бруштейн, М. М. Аристов. В Петербурге они разносили цветы по квартирам тех, кто постоянно жертвовал деньги в пользу заключенных Шлиссельбургской крепости. В дневниках политкаторжане рассказывали о товарищах по заключению. А. И. Кашников – участник восстания 1905 года в Севастополе – писал о В. Н. Левтонове, студенте Петербургского университета, который

в 1907–1910 годах доставлял из-за границы в Россию революционную литературу: «...образ и вообще вся личность Левтонова останутся для меня в будущем светлым, хорошим воспоминанием о политическом заключенном. Володя Левтонов имеет живой, веселый и уживчивый характер. Вместе с Владимиром Лихтенштадтом и Владимиром Малашкиным он известен всей тюрьме, т.к. много времени посвящает работе в тюремной библиотеке»³. Многие шлиссельбуржцы написали воспоминания о Лихтенштадте, студенте Петербургского и Лейпцигского университетов, который был осужден по делу о взрыве на аптекарском острове дачи П. А. Столыпина в 1906 году, смертный приговор ему был заменен срочной каторгой в Шлиссельбурге. «В. Лихтенштадт был исключительно одаренной личностью, с сильной, революционной волей, непреклонный, всегда готовый к протесту за маленькую обиду, нанесенную кому-либо из нас тюремными черберами ... Начитанный, образованный, он стремился свои знания передать другим. Он всегда с кем-нибудь занимался, но одновременно работал и над собой»⁴. В одиночной камере он написал исследование о творчестве и мировоззрении великого немецкого поэта и мыслителя Гете⁵, переводил на русский язык произведения Чемберлена, в которых анализировались философские воззрения Аристотеля, Гердера, Гете, Канта,

Леонардо да Винчи, Спинозы, Шиллера, Шопенгауэра. В общей камере, где сидели уголовники и крестьяне, он учил их грамоте и письму, арифметике. В общих камерах узники-политкаторжане разработали план политического самообразования. Этот план включал в себя изучение истории, литературы, философии, математики, иностранных языков, экономической теории. Лекторами и руководителями занятий выступали Ф. Н. Петров, по образованию врач, Б. П. Жадановский – офицер, которые руководили восстанием Киевского саперного батальона, бывшие студенты Левтонов, Лихтенштадт, Малашкин. «Тюремный», или «романовский», университет, как называли часто заключенные свою учебу, функционировал в трудных условиях. Учеба велась в ножных и ручных кандалах, в душных камерах, переполненных до отказа. Требовалось колоссальное напряжение, чтобы в условиях тюремного каторжного режима заниматься систематически и упорно.

Политкаторжане Шлиссельбурга 1907–1917 годов вспоминали о карцерах, которые администрация тюрьмы часто использовала для наказания узников за любые провинности: за то, что не встал при проверке, не снял шапку перед начальством, за пение и слушание пения, за передачу записки другому заключенному, за перестукивание, за оскорбление надзирателя и за многое другое. Карцеры были свет-

Шлиссельбургская крепость. Четвёртый тюремный корпус после освобождения заключённых. 1917 г.

лые и темные, сырые, холодные. Они не отапливались даже в тридцатиградусные морозы. Только ходьба, быстрые движения или бег на месте спасали узников от замерзания. Пронизывающий холод не давал возможности уснуть, прерывая и без того короткий, нервный тюремный сон. Прямым последствием заключения в карцер были заболевания туберкулезом, ревматизмом, воспалением легких и другие. Их не могло не быть. Ведь даже железные кандалы покрывались ржавчиной. Нередко случалось, что надзиратели не вывели, а выносили из карцера арестанта, отбывшего свое наказание. Чтобы предупредить попытки заключенных покончить в карцерах жизнь самоубийством, у них отбирали кандалные ремни, полотенца, портянки, носовые платки. Сроки содержания в карцере – от нескольких дней до 30 суток. Пребывание в темном карцере по закону не могло быть непрерывным. Через трое суток темный карцер заменялся светлым, а вместо хлеба и воды должна была выдаваться горячая пища, но чаще всего этот закон нарушался. «Абсолютная темнота в карцере особенно ощущалась в первое время заключения. Тогда наказанный передвигался с вытянутыми вперед руками, натываясь на стены. При уже истрепанных нервах такая крошечная тьма производила на заключенного тяжелое впечатление, особенно когда кругом царил мертвая тишина»⁶.

В декабре 1907 года каторжанам объявили новую «Инструкцию об употреблении оружия членами тюремной администрации и стражи»⁷, утвержденную министром юстиции И. Г. Щегловитовым. Надзиратели должны были стрелять в случае бунта и побега заключенных, при неповиновении и оскорблении администрации. Часовые на крепостных стенах должны были следить, чтобы арестанты ничего не передавали друг другу через окна и не переговаривались. Вскоре, 7 мая 1908 года, произошло трагическое событие: постовой надзиратель застрелил узника третьего тюремного корпуса А. В. Краснобродского, который кормил голубей и не выполнил требования отойти от окна. Л. Н. Рубинштейн, один из руководителей Рижской социал-демократической организации, осужденный на

15 лет каторги, писал, что после убийства Краснобродского «раздался по всему корпусу ужасный треск и шум – все били отчаянно несколько минут в двери, а затем наступила убийственная тишина <...> Нет сил больше переносить всю эту мерзость. Узнали, что Краснобродский жил еще полтора часа, а они, мерзавцы, после того, как доктор осмотрел его за 2-3 минуты, заперли и оставили без помощи»⁸.

Жизнь узников регламентировали «Правила о порядке содержания арестантов в Шлиссельбургской каторжной тюрьме». День в тюрьме начинался с утренней поверки по свистку, данному летом в 5 часов, а зимой в 6, а до этого также по свистку вставали, одевались, убирали постели. После поверки – раздача хлеба и кипятка для чая. Горячая пища полагалась на обед и ужин. 265 статей тюремной инструкции предусматривали все: курение табака лишь за хорошее поведение и усердие к работам, прогулку ежедневно по расписанию рядами по два человека, разговор на прогулке только с соседом. Арестантам воспрещались действия, нарушающие спокойствие и благочиние: пение, крики, хохот, ссоры, драки. От них требовалось неуклонное соблюдение тюремных правил, полное повиновение, почтительность, вежливость по отношению к чинам тюремной администрации и надзора⁹. Два раза в месяц арестантам разрешалось выписывать продукты из тюремной лавки на

деньги, заработанные в мастерских или полученные от родственников, но не более чем на четыре рубля в месяц. В каждой камере находилась преискурант цен на продукты: «табак $\frac{1}{4}$ фунта – турецкий – 23 к., шантал – 34 к., розовый – 32 к., царский – 39 к., восточный – 40 к., махорка – 8 к., сухари – 1 фунт – 15, 20 и 30 к., баранки – 1 фунт – 7–9 к., масло столовое – 1 фунт – 46 к., сыр голландский – 1 фунт – 34 к., сыр швейцарский – 1 фунт – 44 к., колбаса чайная – 1 фунт – 28 к., колбаса московская – 1 фунт – 38 к., колбаса польская – 1 фунт – 46 к., хлеб – 1 фунт – ситный – 6 к.¹⁰ Можно было выписывать мыло, спички, зубной порошок, конверты, почтовую бумагу, марки, открытки для письма»¹¹.

Ближайшим родственникам разрешалось навещать узника один раз в месяц, но это не приносило удовлетворения никому. Заключенные называли место свиданий «комнатой слез»¹². Многие из них вспоминали, какое тягостное впечатление оставляли свидания в тюрьме. Так, Александр Мекси, осужденный в июне 1909 года петербургским военно-окружным судом по делу о Боевой инструкторской школе в Куоккала, в Финляндии, писал жене о том, какие нравственные страдания причиняют ему встречи в тюрьме: «Вся обстановка на свидании угнетающе действует на меня и точно парализует, причем мне всегда кажется, что слова мои не доходят до твоего слуха через эти несносные решетки. Хотя каждый раз

Группа освобождённых узников крепости и рабочих порохового завода. 1917 г.

перед свиданием я думаю, что буду говорить что-то ласковое, нежное, полное любви, но как только вхожу в эту комнату, сразу чувствую, что ничего не в силах сказать. Да и о чем успеешь сказать за 10–15 минут»¹³. В. Ф. Гончаров¹⁴ вспоминал: «Действительно, свидания обставлялись усердной надзирательской цензурой. Комната свиданий разделена на две половины железной решеткой, сплошной от пола до потолка, а на аршин от нее устроены для посетителей тесные стойла с проволочными сетками. Однако тюремщики не очень полагались на железные преграды; около каждого каторжанина стоит надзиратель, обязанностью которого было слушать разговор и в случае отклонения его от семейных дел направлять в законное русло. В промежутках между решетками и стойлами находился старший надзиратель и зорко следил, чтобы руки не высовывались навстречу родным. Для пущей важности на каторжной половине сидел еще дежурный помощник начальника. Такая обстановка убивала всякую словоохотливость»¹⁵. Заключенным разрешалась переписка с ближайшими родственниками один раз в месяц. Тюремная инструкция требовала, чтобы содержание писем ограничивалось только семейными новостями, поэтому цензоры вычеркивали все, что казалось им подозрительным. Но желание узников Шлиссельбурга знать как можно больше и подробнее о том, что происходило на воле, было неистребимо. И.К. Гамбург, осужденный на 6 лет каторги за принадлежность к РСДРП, писал: «Мы живем только вестями с воли, и только это придает нам силу сопротивляться среде»¹⁶. При любой возможности каторжане стремились установить нелегальную связь. «Сообразительностью, – свидетельствовал Вороницын, – шлиссельбургские тюремщики вообще не отличались, и, зачеркивая часто совершенно невинные фразы, они пропускали такие, например, места: «До сих пор мне никто не пишет, как поживает маленькая Домна... Живет ли дядя Петя Столыпинский все еще на Кабинетской улице?.. Ты писала, что Семен Дмитриевич и Степан Рудольфович устроились довольно хорошо... напиши мне номер квартиры Константина Дмитриевича, а то я забыл»¹⁷.

Такие письма часто писал домой Б. П. Жадановский, и родные прекрасно понимали его. «Маленькая Домна» – Государственная дума, «дядя Петя Столыпинский» – председатель Совета министров. «Кабинетная улица» означала, руководит ли он все еще кабинетом министров. «Семен Дмитриевич и Степан Рудольфович» – социал-демократы и социал-революционеры. «Константин Дмитриевич» – конституционно-демократическая партия («кадеты»).

Наступил 1917 год – последний год существования Шлиссельбургской тюрьмы. До заключенных чаще стали доходить известия о забастовках, демонстрациях, волнениях в столице и в крупных промышленных центрах страны. Те известия вселяли надежду на освобождение, но о многом узники Шлиссельбурга еще не знали. Они не знали, что в февральские дни 1917 года в Петрограде развертывались революционные бои, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов на первом же своем заседании 27 февраля 1917 года принял решение немедленно освободить политических заключенных Шлиссельбургской тюрьмы. Выполнить то решение взялись рабочие Шлиссельбургского порохового завода, которые разоружили полицию, взяли в свои руки власть в городе и на заводе. Политические узники Шлиссельбурга, которым выпало счастье дожить до освобождения, в своих воспоминаниях рассказали о последних днях Шлиссельбургской тюрьмы. Одним из них был В. А. Симонович, который шесть лет был узником крепости. Рассказывая о дне 27 февраля, кануне освобождения, он говорит, что тот день ничем не отличался от предыдущих: те же тюремные щи, та же каша, те же надзирательские шаги по тюремному коридору, тишину нарушал только звон кандалов. День 28 февраля начался как обычно, по свистку дежурного тюремщика, после утренней проверки, заключенным раздали хлеб и выпустили за кипятком. В семь часов утра одни из заключенных ушли на работу в мастерские, другие – на хозяйственные работы на тюремный двор: возить дрова, уголь, снег. После обеда, около трех часов дня, заключенные верхних этажей четвертого тюремного корпуса из окон своих камер увидели на правом

берегу Невы многотысячное шествие с красными флагами, которое медленно приближалось к крепости. Делегация рабочих предъявила начальнику тюрьмы Зимбергу требование освободить заключенных. Зимберг вынужден был подчиниться, но в тот день, 28 февраля, из тюрьмы было освобождено только 70 политкаторжан. Среди них были: В. О. Лихтенштадт, отец и сын И. Е. и И. И. Пьяных, В. А. Симонович, В. Д. Малашкин и другие. 28 февраля Лихтенштадт писал последнее письмо из тюрьмы: «Здравствуй, мама! И здравствуйте все, друзья! Только пара слов – голова идет кругом – полетел бы к вам, но дела так много, что надо быть здесь, помочь вышедшим, помочь выйти еще сидящим»¹⁸. Пением революционных песен и криками «Ура!» встретила освобожденных каторжан 12-тысячная толпа рабочих за воротами тюрьмы. «Какое-то невыразимое, непередаваемое, радостное чувство овладело мною, – вспоминал Симонович, – сердце радостно бьется, оно готово разбиться на части и улететь, обнять всю массу людей и не расставаться с ними, слиться с ними, быть маленькой незаметной частью ее... Тысячи людей открывают нам свои объятия, обнимают, целуют, жмут наши руки, и кто дает пальто, кто шапку, кто платок, кто шаль, наперебой просят нести наши вещи»¹⁹. Революционный комитет Шлиссельбургского порохового завода, в который вошли также бывшие узники В. О. Лихтенштадт, И. П. Жук, В. Д. Малашкин, Т. И. Фомичев и другие, – решил на следующий день, 1 марта, освободить всех заключенных Шлиссельбургской тюрьмы. Была организована боевая дружина, которую возглавили И. П. Жук и Ф. А. Шавишвили, удалось раздобыть немного оружия – были опасения, что охрана тюрьмы окажет вооруженное сопротивление. Но штурмовать крепость не пришлось, после кратких переговоров начальник тюрьмы Зимберг вручил В. О. Лихтенштадту «ключи от крепости». И. С. Мельников, участник тех памятных событий, узник Шлиссельбургской крепости 1915–1917 годов, после Октябрьской революции – заслуженный деятель народного образования, вспоминал об освобождении из тюрьмы 1 марта 1917 года: «Торопливо и неверно

бьет молоток по зубилу. Лихорадочно трясутся руки работающего. Подслушно поворачивается закованная нога товарища. Еще удар молотка ... кандалы падают, товарищ улыбается. Делает несколько шагов. Ноги ступают неверно и несмело. «Проклятие! – кто-то с силой отшвырнул кандалы в сторону, они лязгнули и неподвижно раскинулись на черном асфальте коридора, поблескивая отдельными кольцами»²⁰. На дворе тюрьмы царило необычное оживление. Освободившиеся заключенные возили сани с арестантскими делами из архива тюрьмы в котельную и бросали в топку котлов. Полной уверенности в победе революции не было тогда еще ни у рабочих, ни у освобожденных, поэтому уничтожались секретные архивные дела. После того, как был сорван герб – двуглавый орел, на Государевой башне было укреплено красное полотнище с торжественной надписью: «Вечная память борцам, погибшим за свободу» и «Слава народу, открывшему двери тюрем». Начальник тюрьмы Зимберг, старший помощник, особенно ненавистный всем заключенным, Гудема и несколько надзирателей были арестованы и доставлены в Шлиссельбургскую городскую тюрьму. Революционный Комитет Шлиссельбургского порохового завода, в который вошли и освобожденные политкаторжане, взял в свои руки решение всех неотложных дел: размещение шлиссельбургцев по домам рабочих, выдача всем каторжанам особых удостоверений, в которых говорилось, что они освобождены из Шлиссельбургской крепости «волею восставшего народа». Тогда же ревком принял решение сжечь тюремные корпуса Шлиссельбурга, вывезя оттуда все ценное имущество, оружие, продовольственные запасы, тюремную библиотеку. Тогда, в феврале–марте 1917 года, опасались возможности использования крепости как тюрьмы, если вернется реакция.

Имущество сапожной мастерской (сапоги, голенища, заготовки для сапог) было передано в интендантское управление Петроградского военного округа на военные нужды. Тюремную библиотеку – около десяти тысяч томов – передали пороховому заводу²¹. В крепость завезли мазут и керосин. Для поджога ревком выделил группу

бывших узников, куда вошли Жук, Тихонов, Кононов, Мазин, Лизандер, Едвабник, Степанов, Никитин и другие. В ночь с 4 на 5 марта по сигналу вспыхнул пожар одновременно во всех тюремных корпусах. Пожар, продолжавшийся несколько суток, представлял собою знаменательное зрелище. Тюрьма, еще недавно гордо возвышавшаяся на неприступном острове, грозная, как символ императорской власти, теперь погибала в дыму и пламени. Для рабочих и бывших узников уничтожение тюрьмы было символом гибели самодержавия. «...Несколько ночей огромным красным факелом, освещая ладожские дали, горела старая тюрьма. Символический маяк на грани уходящего в мрак забвения старого мира и на развалинах его рождающегося светлого дня»²², – писал о конце Шлиссельбургской тюрьмы ее бывший узник И. П. Вороницын. После Октябрьского переворота началась новая история Шлиссельбургской крепости, не похожая на прежнюю.

История музея в Шлиссельбургской крепости началась раньше его официального открытия 26 августа 1928 года. 22 января 1919 года в северо-восточной части острова, за крепостной стеной, у Королевской башни, там, где жандармы хоронили погибших в 1884–1906 годах узников крепости, был установлен памятник работы скульптора И. Я. Гинцбурга. Инициатива сооружения памятника принадлежала бывшему шлиссельбуржцу М. В. Новорусскому, узнику крепости в течение 18 лет (1887–1905). 20 ноября 1925 года СНК РСФСР передал Наркомпросу все строения Шлиссельбургской крепости, «как имеющие большое историческое и историко-революционное значение», и поручил организовать в крепости музей, присоединив его в качестве филиала к Ленинградскому музею Революции, разработать план восстановления зданий, поврежденных пожаром 1917 года. Для выполнения самых неотложных ремонтных работ из резервного фонда СНК РСФСР было отпущено 50 тысяч рублей²³.

Реставрацией крепости занималась Ленинградская реставрационная мастерская и Ленинградское отделение Главнауки. Несмотря на

то, что в начале 1918 года крепость стала базой Ленинградского военного округа и перед гарнизоном была поставлена задача обороны истока Невы, южного и западного берега Ладожского озера до границы с Финляндией²⁴, началось создание музея. 19 января 1926 года было принято решение о том, что музейный комплекс должен отражать не только историко-революционную, но и историко-архитектурную темы²⁵. Уже тогда, при обсуждении проекта музея в крепости, наиболее сложным оказался вопрос о восстановлении памятников какого-то определенного периода, т.к. крепость существовала в разные эпохи, и здания подвергались неоднократным перестройкам.

Согласно программе-минимум предлагалось восстановить Старую тюрьму (Секретный дом) в том виде, какой она имела в конце XVIII–начале XIX века, несколько тюремных камер, устроить экспозицию, характеризующую первый период истории тюрьмы, рассказать об узниках XVIII–начале XIX веков. Этот план музеефикации Старой тюрьмы осуществился только в 1984 году, когда было восстановлено здание и создана музейная экспозиция.

План организации музея в крепости предусматривал и воссоздание Новой тюрьмы, которая была основным местом заключения народовольцев в 1884–1906 годах. Необходимые реставрационные работы были проведены в 1926–1928 годах, и Новая тюрьма стала объектом экскурсионного показа, но мемориальная экспозиция была создана только в 1985 году. К сожалению, не удалось восстановить прогулочные дворики и огороды народовольцев. Шлиссельбургскую каторжную тюрьму 1907–1917 годов предполагалось показать в первом тюремном корпусе «Зверинце» и в четвертом тюремном корпусе. Отсутствие средств не позволило это сделать.

В хорошо сохранившемся Иоанновском соборе, построенном в 1828 году по проекту архитектора А. Е. Штауберта, намечалось разместить выставку материалов, характеризующих общую историю крепости, что и было исполнено к 1928 году.

Там же была создана экспозиция, посвященная библиотеке

Шлиссельбургской каторжной тюрьмы. Библиотека – особая гордость Шлиссельбургской крепости. Она создавалась из книг, приобретенных на деньги, заработанные в тюремных мастерских, присланных родственниками и членами Общества помощи заключенным. В нее вошли книги из библиотеки народовольцев, в ней была широко представлена русская и западноевропейская литература, сочинения по истории, философии, биологии, математике, физике, химии, словари, учебники и университетские курсы, издания на иностранных языках²⁶.

Иоанновский собор не избежал печальной участи многих храмов: 19 июля 1930 года были сняты колокола, «по акту № 1421 Рудметаллторгу было сдано 1902 кг бронзы»²⁷.

Из-за отсутствия средств план реставрации крепости, ее зданий и сооружений в 1926–1927 годах не был выполнен, но все же Главнаука нашла возможным открыть музей в Шлиссельбургской крепости. Открытие состоялось 26 августа 1928 года. «В 9 часов 30 минут утра в Шлиссельбург отошел пароход с представителями Областного и Городского исполкомов трудящихся, музея Революции, профессиональных, рабочих и научных организаций, Общества политкаторжан и др.», – сообщала вечером того же дня «Красная газета»²⁸. На открытие музея приехало более 500 рабочих «Красного треугольника», «Красного путиловца», Шлиссельбургского порохового завода, много краснофлотцев и красноармейцев. Ораторов слушали несколько тысяч трудящихся. Среди выступавших был президент Академии Наук А. П. Карпинский, народовольцы А. В. Прибылев и С. П. Швецов, от Шлиссельбургского землячества выступил бывший узник крепости Д. А. Трилиссер, от путиловцев – рабочий А. П. Костин и другие. Выступавшие приветствовали открытие музея в крепости, которая больше никогда не будет тюрьмой.

Открытие музея в Шлиссельбургской крепости стало крупным общественно-политическим событием. Статьи, очерки, информации, отчеты о Шлиссельбурге и его музее поместили газеты «Ленинградская правда» и «Красная газета», журнал «Красная панорама» и другие пе-

риодические издания. К открытию были подготовлены путеводители по музею, исторические очерки²⁹. 26 августа 1928 года работы по превращению Шлиссельбургской крепости в музей были далеко не закончены. Но стало возможным проводить обзорные экскурсии с осмотром крепостных стен, башен, тюремных корпусов, камер, карцеров, мест казней, отмеченных мемориальными досками.

В бывшем Иоанновском соборе разместился музей: «Стены, затянутые доверху грубым, серым холстом, и куполообразный потолок, выкрашенный в черный цвет, создают впечатление во много раз увеличенной тюремной камеры»³⁰. На стенах портреты тех, кто на протяжении почти 200 лет попадал в этот царский застенок за смелость думать и поступать иначе, чем этого хотелось власть предержащим. Этот скорбный ряд открывал портрет русского просветителя XVIII века Н. И. Новикова. Далее – В. Н. Каразин, основатель Харьковского университета, декабристы Н. А. Бестужев, М. А. Бестужев, И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер, И. В. Поджио. Декабристов сменили М. А. Бакунин, Н. А. Ишутин, потом польские патриоты и революционеры В. Лукасинский и Б. Шварце.

Затем следовали портреты народовольцев, чье пребывание в крепости создало мрачную славу этому месту. За 22 года через Шлиссельбург прошло 68 человек, 15 – были казнены, 15 – умерли от болезни, 8 – сошли с ума, 3 – покончили с собой.

Большое место было отведено в экспозиции политкаторжанам – узникам 1907–1917 годов. Конец истории крепости как тюрьмы ознаменовал документ, выданный революционным комитетом Шлиссельбургского порохового завода В. О. Лихтенштадту, в котором говорилось, что он «волею восставшего народа освобожден из Шлиссельбургской крепости»³¹. «Ленинградская правда» писала о своевременности открытия музея, посвященного памяти погибших бойцов, «где лежат заржавенные цепи, явившие некогда тела тех, что глядят из узких траурных рамок и не позволяют забыть того, что нельзя и не нужно забывать. Экспозиции и памятники нового музея в старой крепости вызвали огромный интерес у посетителей.

Неизгладимое впечатление осталось от осмотра тюремных зданий, камер, карцеров»³².

На большом дворе цитадели широко раскинула ветви яблоня, посаженная народовольцем М. Ф. Фроленко в 1902 году. На этом месте в 1884 году были казнены Е. И. Минаков, Н. М. Рогачев, А. П. Штромберг, в 1885 году – И. Н. Мышкин, в 1887 году – П. И. Андреюшкин, В. Д. Генералов, В. С. Осипанов, А. И. Ульянов и П. Я. Шевырев. На мраморной доске запечатлены имена казненных. Тысячи посетителей привлекала Шлиссельбургская крепость. Она напоминала им о славном боевом прошлом русского народа, о поколениях революционеров, отдавших жизнь за счастье народа. Часто в роли экскурсоводов выступали сами бывшие узники крепости: А. П. Архипов, Р. З. Марголин, П. С. Мокров, Н. А. Морозов, М. В. Новорусский, В. А. Симонович, Д. А. Трилиссер, М. Ф. Фроленко и другие. За первый год работы музей посетило 14 тысяч экскурсантов, которые прибывали на теплоходах экскурсионной базы, свободного доступа одиночных посетителей в крепость не было³³.

В 1939 году началась война СССР с Финляндией. Музей в Шлиссельбургской крепости был закрыт. Экспонаты вывезли в Ленинград на хранение в музей Революции. В годы Великой Отечественной войны древний Орешек снова приобрел военное значение, стал важным объектом в системе обороны Ленинграда. Героическая оборона крепости продолжалась почти 500 дней. В результате обстрелов фашистской артиллерии крепости были нанесены значительные повреждения, многие исторические памятники превратились в руины.

После Великой Отечественной войны крепость не являлась музеем, но охранялась как памятник, была объектом экскурсионного показа и находилась в ведении архитектурно-планировочного управления Леноблисполкома. С 1951 года в крепости велись реставрационные работы. В 1953 году по проекту архитектора И. Н. Бенуа был восстановлен памятник узникам крепости – народовольцам, погибшим в 1884–1906 гг. В 1958 году восстановлена Королевская башня с шатровым за-

вершением на период XVI в., в 1962 г. – Новая (народовольческая) тюрьма. 17 февраля 1965 года исполкомы Леноблгоссоветов приняли совместное решение о передаче крепости городу, присоединив ее в качестве филиала к Музею истории Ленинграда³⁴. С того времени началась новая история крепости.

Исполком Ленгоссовета 14 февраля 1966 г. принял решение № 126 о восстановлении крепости как фортификационного, историко-революционного, военно-исторического памятника и создании музейных экспозиций по этим темам. В документе были определены сроки восстановления крепостных сооружений и зданий – 10 лет (1966–1975 гг.), финансирование, проектные и строительные организации: ЛенНИИпроект, Ленгипроинжпроект, СНРПМ, Главленинградстрой, на подрядных условиях Спецтранс, Дормост, Экспедиционный отряд подводно-технических работ для прокладки подводного электрокабеля, кабеля связи и водопроводного дюкера через левобережный проток Невы, институт Ленгипроречтранс и трест Севзапморгидрострой – для строительства пассажирского причала у крепости Орешек к началу навигации 1967 г. Управление Спецтранс организовало расчистку территории крепости от завалов земли, камня и кирпича высотой 2–3 метра, общий объем которых превышал 40 тысяч кубических метров. Для вывоза строительного мусора использовали пять автосамосвалов и специальный буксир. Командование Ленинградского военного округа обеспечило безопасность строительных работ, направив в крепость саперов для разминирования неразорвавшихся снарядов и мин и роту солдат для разборки завалов.

К открытию музея в крепости Орешек 10 июня 1965 г. на острове были оборудованы два временных причала для приема экскурсионных теплоходов. В 1965 году, в течение экскурсионного сезона, крепость посетили 40 250 человек, прибывших на 200 теплоходах, в 1966 году – 57 580 человек (370 теплоходов), в 1967 году – 70 374 человека (378 теплоходов). В последующие годы посещаемость музея увеличивалась до 85 000 человек, с 1991 года наступил резкий спад, в 2007–2009 годах

Шлиссельбургская крепость. Строительство пассажирского причала. 1967 г.

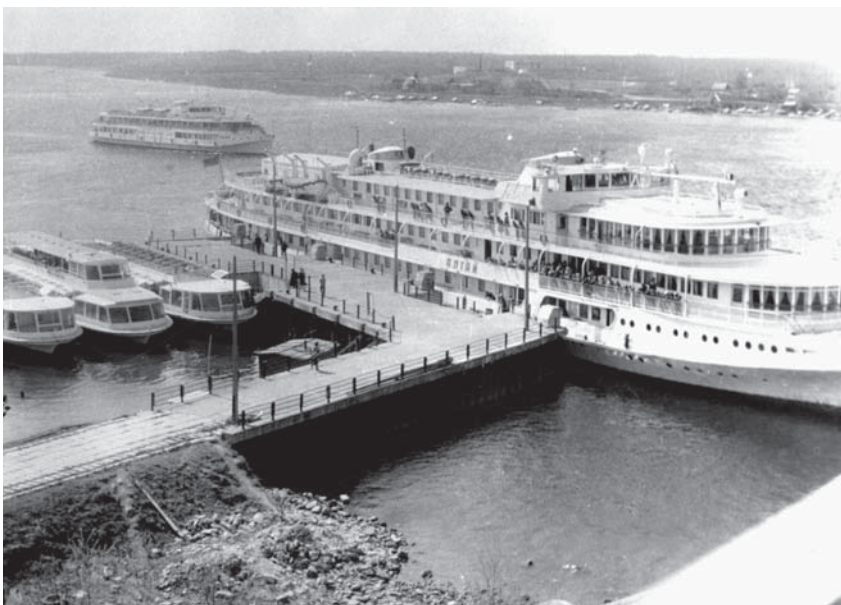
посещаемость музея не превышает 35 000–37 000 человек, а экскурсионные теплоходы проходят мимо крепости не останавливаясь.

С 1965 года началось научное изучение, освоение уникального памятника, финансирование реставрационных работ, о котором сейчас можно только мечтать.

Молодым научным сотрудникам филиала С. А. Казаковой, В. А. Климову, Г. П. Игнатьевой передавали опыт музейной работы директор музея Л. Н. Белова, первый заведующий филиалом

А. Н. Домецкий, ученый секретарь музея К. И. Качина, главный хранитель Петропавловской крепости А. С. Кожевников; учитель всех экскурсоводов Ленинграда, методист музея В. А. Карелина, заместитель директора музея по научной работе О. А. Чеканова. Образцом для подражания всегда была старший научный сотрудник отдела истории города А. И. Барабанова, которую, без преувеличения, можно называть «академиком музейного дела», она – автор первой экспозиции в тюрьме Трубецкого бастиона, многих других экспозиций, выставок, научных работ. А. И. Барабанова и научный сотрудник отдела истории города М. В. Идельсон создали полную научно-справочную картотеку и коллекцию портретов узников Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей XVIII–XIX–XX веков. Большой удачей для Орешка было назначение в 1968 году опытного реставратора-архитектора В. М. Савкова руководителем группы проектировщиков 9-й мастерской Ленпроекта.

Глубокое, всестороннее изучение такого сложного памятника, каким является Орешек, было бы невозможно без археологических исследований. В течение семи лет, в 1968–1975 гг., в крепости проводились археологические раскопки под руководством доктора исторических наук А. Н. Кирпичникова и кандидата исторических наук В. И. Кильдошевского. Большое ко-

Экскурсионные теплоходы у крепости Орешек. 1975 г.

личество вещей, найденных во время раскопок, хранится в фондах музея истории Петербурга и использовано в экспозиции в Комендантском доме Петропавловской крепости. А открытие новгородской крепости 1352 года имеет общенаучное значение, вносит поправки в имеющиеся концепции северо-западного древнерусского зодчества.

В 1972 году был утвержден генеральный план реставрации крепости, автором которого был В. М. Савков. В обсуждении плана принимали участие архитекторы А. А. Кедринский, В. А. Бутми, И. Н. Бенуа, И. Г. Кашуг, С. Л. Агафонов, историки В. А. Ежов, В. М. Ковальчук, С. Б. Окунь, П. Я. Канн, А. Л. Фрайман, писатель А. И. Вересов, бывшие защитники крепости В. А. Марулин, П. Н. Кочаненков, К. Л. Шкляр. По тому плану музей работает до настоящего времени. Широкое обсуждение, многочисленные совещания, консультации специалистов, высокий профессионализм архитекторов и научных сотрудников доказывают, что генеральный план был составлен научно обоснованно и правильно.

В соответствии с генеральным планом в крепости восстанавливаются крепостные стены с боевым ходом, башни с шатровыми завершениями, сводами, лестницами, герсами XVI века, бастионы XVIII века и исторические здания XVIII–XX веков.

Параллельно с работой над генеральным планом реставрации разрабатывался план создания музейных экспозиций. Его автор – художник-архитектор, доктор искусствоведения И. Д. Билибин, человек, тонко чувствующий специфику музея в крепости Орешек, умевший деликатно расположить и использовать любые, не всегда яркие, эффектные музейные предметы, в основном документы, при этом сохранить памятник, не заслоняя его экспозицией. Примеры тому – художественный показ материалов в Старой и Новой тюрьмах, в Государевой башне. Большим достижением творческого коллектива в составе автора художественного решения И. Д. Билибина, скульпторов Г. Д. Ястребенецкого, А. Г. Демы, старшего научного сотрудника музея В. А. Климова, заведующего филиалом Ф. З. Казовского, художника музея А. В. Бог-

данова было создание в 1985 году, к 40-летию Победы, мемориального комплекса, посвященного обороне крепости Орешек в годы Великой Отечественной войны.

Сотрудники музея считают, что из истории крепости нельзя вычеркнуть ни одного факта. Каждый из семи веков истории Орешка-

Шлиссельбурга отмечен значительными событиями и интересными постройками и памятниками. Все вместе они создают неповторимое богатство, на основе которого на острове создается выдающийся историко-культурный, военно-патриотический и архитектурный комплекс.

¹ РГИА. Ф. 1280. Управление коменданта Петроградской крепости Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел. Оп. № 6. Д. 439; Оп. 7. Д. 576.
² Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1907–1917. Харьков, 1922. С. 142.

³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 368. Л. 10 об.

⁴ Трилиссер Д. А. «Новый Шлиссельбург». Сборник воспоминаний «На каторжном острове. (1907–1917)». Л., 1967. С. 37.

⁵ Лихтенштадт В. О. Гете. Борьба за реалистическое мировоззрение. Искания и достижения в области изучения природы и теории познания. Пг., 1920.

⁶ Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 5. М., 1956. С. 69.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемого при Правительствующем Сенате. СПб., 1908. С. 2271–2272. Статья № 1273.

⁸ Рубинштейн Л. Н. Дневник каторжанина // На каторжном острове. С. 54–55.

⁹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 97. Л. 90–90 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 402. Л. 8–8 об.

¹¹ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 351. Л. 4 об.

¹² РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 353. Л. 150.

¹³ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 243. Л. 140–141.

¹⁴ В. Ф. Гончаров – член эсеровской организации, в 1905 году – депутат Петербургского Совета, осужденный на 15 лет каторжных работ, автор воспоминаний о Шлиссельбургском каторжном центре.

¹⁵ Гончаров В. Ф. Связи с волей // На каторжном острове. С. 194.

¹⁶ РГИА. Ф. 1280. Оп. 6. Д. 75. Л. 59–59 об.

¹⁷ Вороницын И. П. История одного каторжанина. М.; Л., 1926. С. 113.

¹⁸ Лихтенштадт В. О. Из дневника и писем (1908–1917) // На каторжном острове. С. 87.

¹⁹ Симонович В. А. В новом Шлиссельбурге. М., 1934. С. 187.

²⁰ Мельников И. С. Последние дни Шлиссельбурга. М., изд-во Общества политкаторжан, 1931. С. 20–21.

²¹ ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1116. Л. 1, 10–11.

²² Вороницын И. П. Из мрака каторги. 1905–1917. Харьков, 1922. С. 150.

²³ ГАРФ. Ф. 259. Оп. 9а, д. 37. Л. 7–8.

²⁴ РГВА. Ф. 856. Оп. 1, д. 1. Л. 3.

²⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1, д. 1278. Л. 6.

²⁶ Книги из библиотеки Шлиссельбургской крепости хранятся в фондах Музея истории Санкт-Петербурга и Музея политической истории России.

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 7, д. 127. Л. 163. Информация Г.А. Поповой.

²⁸ «Красная газета» (вечерняя). 1928. 26 августа.

²⁹ Венедиктов-Безюк Д. Г. По казематам Шлиссельбургской крепости. М., 1928. Никитина Е. Д. По царским тюрьмам. Крепость Шлиссельбург. 1718–1905. М., 1927. Новорусский М. В. Путеводитель по Шлиссельбургу. М.; Пг., Госиздат, 1923. Шакол А. Т. Шлиссельбургская крепость-музей.

³⁰ Гросс В. Трагические могилы. «Красная газета» (вечерняя). 1928. 29 августа.

³¹ Там же.

³² «Ленинградская правда». 1928. 28 августа.

³³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1, д. 1332. Л. 94.

³⁴ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 42, д. 775. Л. 318–319.

